

Глава 1.

- Ты хочешь поговорить об этом?

- Не хочу.

Раздался стук в дверь. Моя рука машинально потянулась к поясу, но пистолета там не было. В дверь просунулась голова медсестры средних лет.

- Доктор Габ? У Вас есть минутка?

Габриэлла окинула меня взглядом с ног до головы, а затем сказала:

- Я возьму еще несколько анализов, Даниэль. Однако, похоже, я отправлю тебя домой.

- Спасибо, - ответил я.

Она осталась недовольной и вышла из комнаты. Я не знал, что мне делать. Мама отпросила меня с очередного понедельника занятий в школе, но на этот раз с оговоркой, что я должен лечь в больницу. Конечно, у нас не было денег, чтобы позволить себе это и единственным доктором, к которому я мог обратиться, была Габриэлла. Пойдет ли она опять на страховое мошенничество, чтобы помочь нашей семье? При одной мысли об этом у меня защемило сердце.

Я открыл свой Ресго и выбрал нужный сигнал, по которому определил, что это телефон Габриэллы. Я сразу понял, что это ее телефон, потому что на главном экране была наша с сестрой фотография. Она всегда относилась к нам очень хорошо. Несмотря на то, что мы не были кровными родственниками, Габриэлла воспринимала нас как своих собственных детей.

Мне было немного интересно, почему у Габриэллы никогда не было детей. Она была красивой женщиной и успешным врачом. Для моей семьи, живущей чуть выше уровня бедности, она во многом была слишком хороша. Для меня она стала тетей Габ, сколько я себя помню и казалось, что наша жизнь волнует ее больше, чем собственная. Я заметил, что мама отправила Габ сообщение и та пошла его почитать.

Обри: Как дела у Даниэля?

Мама была на работе, но казалось, что она не могла удержаться, чтобы не вмешаться. Через минуту я уже видел, что Габриэлла набирает ответ.

Габриэлла: Что случилось с ним в эти выходные?

Обри: Что? Он не хочет об этом говорить! Он болен? С ним все в порядке?

Габриэлла: Он в порядке... Обри. Он весь в крови, но большинство ран выглядят так, словно им неделя или больше.

Обри: Что ты имеешь в виду?

Габриэлла: В школе над ним не издеваются?

Обри: Ты думаешь, что кто-то обижает его?

Габриэлла: На нем есть следы недавних травм.

Обри: Что происходит с моим сыном?

Габриэлла: Я не знаю... но я собираюсь это выяснить. Просто пообещай мне, что пока дашь ему немного времени. Если мы будем давить на него слишком сильно... ничего ему пока не говори.

Обри: Хорошо.

Я с раздражением воспринял слова Габ. Дело было не в том, что она ошибалась, а в том, что была слишком близка к истине. После пребывания в этом апокалиптическом мире и борьбы за свою жизнь, как я мог быть спокойным? Я уже десятки раз хотел разбить зеркало. Но каждый раз, когда я думал об этом, то представлял, как Кейра и Катарина стараются выжить на другой стороне и признавал, что это то, чего никогда не смогу сделать. И даже если бы я больше ничем не мог помочь, всего 10 долларов в неделю на еду было бы достаточно, чтобы навсегда изменить их жизнь. Я не мог оставить девушек.

Через несколько минут в палату вошла медсестра, чтобы взять еще кровь на анализ. Сначала я немного волновался из-за всех этих наноботов и повышающих статус препаратов, которые я принимал в последнее время. Однако, судя по результатам анализов, ничего такого не было, так что все было в порядке. Если бы что-то обнаружилось, то в мою дверь ворвалась бы не какая-нибудь лаборантка, а тетя Габриэлла.

Прошло еще несколько минут и снова пришла Габриэлла. На ее лице все еще было обеспокоенное выражение, но она улыбнулась и сказала:

- Я написала тебе освобождение от занятий, до среды. Отдохни немного.

- Хорошо, - ответил я.

Она вздохнула, глядя на дверь.

- Пойдешь со мной ненадолго, согласен? - добавила она.

- Да.

Она вышла в коридор и я последовал за ней. Мы шли почти пять минут, затем спустились на лифте и еще куда-то шли. Наконец она привела меня в какое-то отделение и мы вошли в большую просторную палату. Там лежали дети и все они были очень больны. К своему ужасу, я осознал, где мы находимся.

- Тетя... это.

- Это детское онкологическое отделение, - сказала тетя Габ.

- Почему ты привела меня сюда? - спросил я.

- Ты слишком неадекватно относишься к болезни своей матери...

- Тетя...

- Обри плохо переносит заболевание.

- Это не похоже на ...

- Она умрет если не будет лечиться! Посмотри на этих детей. Их невозможно вылечить. Для

твоей матери...

- Использовать детей - это низко..., - пробормотал я.

Габриэлла резко повернулась и схватила меня за шею и тут я увидел, что в ее глазах стоят слезы.

- Я буду использовать все, что в моих силах, независимо от того, насколько это низко. Обри, моя лучшая подруга. Вы могли бы быть моими детьми. Тем не менее ты шатаешься без дела, влипаешь в неприятности каждые выходные и пропускаешь школу. Твоя сестра в депрессии и не выходит из дома. Ваша мать все отрицает. Мне нужно достучаться до вас всех, пока не стало слишком поздно.

- Я знаю, что у тебя хорошие намерения..., - ответил я.

- Но с мамой все будет хорошо. С нашей семьей все будет хорошо. Я сделал то, что должен был сделать.

Габриэлла, видимо, что-то увидела в моих глазах, потому что ее взгляд на мгновение стал жестким.

- Что ты сделал, Даниэль?

- Вызываю доктора Габ в отделение интенсивной терапии.

- Черт! Неужели они не могут оставить в покое меня на тридцать минут? Разве тридцать минут, это так много! - огрызнулась тетя, оглянувшись на меня.

- Иди, я в порядке.

Я попытался улыбнуться

- Я вернусь через десять минут. Жди здесь, - сказала она, уходя.

- Подожди, зачем ждать здесь?

- Я еще не закончила воспитывать тебя.

Габ развернулась и вышла.

Я попытался еще что-то сказать, но она уже ушла. Иногда тетя меня раздражала. Я знал, почему она оставила меня здесь. Используя детей, больных раком, Габ хотела убедить меня поговорить с матерью. Но мама уже приняла лекарство. У нее больше не было рака. Она приняла одну из таблеток, которые все еще были у меня в кармане.

Я застыл, осознав это и мои глаза переместились на ребенка в кровати рядом со мной. Он был смертельно бледный, а его голова была обрита. Невозможно было определить, мальчик это или девочка. Что касается возраста, то на вид ему было около шести лет, но он мог быть и старше, просто немного истощен. Я закусил губу, а затем ругнувшись про себя, подошел к кровати ребенка.

- Ты можешь глотать? - спросил я грубо.

Ребенок открыл глаза и кивнул. Я взял стакан с водой, стоявший рядом с его кроватью, а затем

достал таблетку.

- Выпей это.

Запахнув таблетку в рот, я дал ему глоток воды. В палате было еще пять детей. Это прекрасно. Всего у меня было шесть таблеток после того, как я дал одну маме и пять после того, как дал этому ребенку. Переходя от кровати к кровати, я будил детей и давал каждому таблетку. Когда я впихнул последнюю таблетку, перевел дух. Все, готово... это был самый лучший поступок за сегодня.

- Что ты им дал?

Прозвучавший голос заставил меня чуть не выпрыгнуть из кожи. Я повернулся и увидел девушку в соседней палате. Она лежала в кровати, подключенная к различным аппаратам. Девушка была примерно моего возраста, но выглядела слабой и худой. У нее еще были волосы и по сравнению с другими детьми она казалась более здоровой. Я не заметил девушку раньше, так как ее палата была изолирована. Последний ребенок, которому я дал таблетку, лежал на кровати прямо напротив ее открытой двери.

Что же до того, почему у нее была своя палата, возможно потому, что она заразная, или потому, что взрослая? Может, она просто была из богатой семьи? Внешне девушка была похожа на японку, с большими карими глазами, лицом в форме сердца и длинными, прямыми, черными, блестящими волосами.

Несмотря на то, что она выглядела исхудавшей и больной, ее лицо было приветливым. Я хотел бы сказать, что мое лицо тоже было вполне дружелюбным, но оно стало отвратительным, как только девушка обратилась ко мне. Я раздал таблетки по собственной воле. У меня больше ничего не было. Так или иначе, я не хотел, чтобы меня поймали. Эти дети были еще маленькими, чтобы настучать на меня, но девочка-подросток могла меня полностью выдать.

- Это не твое дело! - огрызнулся я.

Она тихонько засмеялась.

- Ну, я полагаю, ты не можешь сделать им хуже, чем есть. Трудно причинить боль сильнее, чем мучительная смерть.

- Они не умрут! - сказал я и прикусил язык.

Она, казалось, не заметила моего промаха, только выглядела слегка забавной.

- Меня зовут Мизуки. В переводе означает прекрасная луна.

- Даниэль. Это значит...

- Бог мой судья, - закончила Мизуки.

- Да, американцы любят использовать библейские имена.

- Ты японка?

- Наполовину. По материнской линии... мой отец - генеральный директор. Он много путешествует.

- Значит, богатый... должно быть, это хорошо.

Несмотря на то, что я говорил немного резко, девушка не переставала улыбаться. Мне не хотелось ничего знать о ней. Может быть, ей было просто одиноко, а мне следовало оставить ее в покое, поскольку у меня были свои проблемы, с которыми нужно было разбираться. Если бы я начал с ней разговаривать, это только расстроило бы меня. В конце концов, у меня не было таблетки, чтобы дать девушке. Даже если бы она у меня была, и если бы я дал Мизуке лекарство, она бы проболталась. Возможно, было бы лучше, если бы она умерла, так и не рассказав о том, что видела.

- Не совсем..., - ответила она.

- Я болела практически всю свою жизнь, а у моего отца никогда не было много... много...

Ее глаза закатились, голова откинулась назад и она начала биться в конвульсиях. Ужас пронзил меня насквозь. Не успел я подумать, что лучше бы она умерла сейчас, как у нее начались неконтролируемые конвульсии. ЭКГ сильно пищала. Сработал сигнал тревоги. На меня накатило чувство вины. Я беспомощно наблюдал, как в большую палату, расположенную на противоположной стороне от той, где мы находились, вбежала медсестра.

- У нас розовый цвет! - крикнула она в коридор, где находился кабинет медсестер.

Было ощущение, что это моя вина и я был причиной этого. Я понимал, что глупо так думать. Но если через секунду медсестра забежит сюда, я не смогу ничего сделать.

- Черт! - выругался я.

Я вбежал в палату Мизуки, вытащил Регсо из рукава рубашки и ввел последнюю дозу Regen-X ей в шею, после чего закрыл рот рукой и наклонился к ее уху.

- Меня здесь никогда не было.

Я убрал руку. Мизуки, практически перестала дрожать. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Я повернулся и пошел прочь. Когда подошел к двери ее палаты, вбежала медсестра.

- Молодой человек, что Вы себе позволяете? - крикнула она.

- Просто ухожу.

Медсестра посмотрела мне вслед в замешательстве, но затем пошла проверить Мизуки, конвульсии которой, похоже, прекратились сами собой.

Я чувствовал взгляд девушки на своей спине, пока не вышел из палаты. Я не слышал, что сказала ей медсестра. Выйдя из онкологического отделения, сразу же направился к ближайшему медпункту, где оставил сообщение для Габриэллы, что я уехал и тут же вышел из больницы. Какие проблемы создал себе на этот раз? Я действительно не знал.